Алиоов Пф

Черный год

2 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦБ20
А748

К.
From Free Russia,
3, Mey Road,
HAMMERSMITH, W.
ЦБ20
А 748
Prix 25 cent.
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
Ц/10816 1385

Алисов, П. Ф.

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ.

Нѣтъ страны на земномъ шарѣ, для могучаго развитія которой требовалось бы столько политической шири, свѣта знанья, абсолютной свободы прессы, общественной самодѣятельности, народнаго представительства, какъ для Россіи, и нигдѣ нѣтъ такого мрака, подавленій, удавленій, безобразнѣйшихъ опекъ, очумѣлаго произвола, какъ въ этой невѣроятно злополучной странѣ.

Наши правители вѣчно отличались дремучимъ невѣжествомъ, отсутствіемъ азбучнаго политическаго пониманія, свирѣпымъ самодурствомъ, ребяческимъ чванствомъ. На гибель свою и государства, они вѣчно подавляли и продолжаютъ подавлять воспитывающія другія правительства: прессу и общественное мнѣніе.

Будь назначена премія за самое краткое и ясное опредѣленіе, что есть самодержавіе, я написалъ бы всю его

сумбурную исторію одною строкою : самодержавіе — свинья, жрущая корни питающаго ее дуба.

Свѣтобоязнь — такой же яркій признакъ правительственаго помѣшательства, какъ водобоязнь — собачьяго бѣшенства.

Наши управители, вѣрнѣе — коверкатели, истязатели, лишенные способности обобщать историческія явленія, вопятъ объ ужасахъ революціи, грозятъ анархіей, разнузданностью страстей, краснымъ призракомъ, и, въ то же время яро, упорно, изо дня въ день, ссылками, тюрьмами, казнями, кнутами, грабежемъ, разбоемъ, предательствомъ, разнузданнымъ произволомъ вызываютъ безпощадную революцію, которая, нѣтъ сомнѣнья, раздавитъ въ крови не только ихъ самихъ, но и ихъ невинныхъ дѣтей.

Знай они исторію только нашего вѣка, и они скоро бы убѣдились, что вездѣ царство мрака, тишь омута смѣнялись царствомъ свѣта, громами революціи. Но, можетъ быть, они получивъ генеральскій чинъ, или ключъ на заднія части, начинаютъ считать себя сынами солнца, а насъ всѣхъ — готтентотами !

Голова Романова, и та, должна была бы вразумиться тридцатилѣтнимъ кошмаромъ Николая и послѣдними динамитными годами царствованья Алек. II. Во время севастопольскаго погрома Николай оглянулся на дѣянья рукъ своихъ, на отраженье собственнаго образа въ цѣломъ царствѣ, и, въ ужасѣ, кончилъ самоубійствомъ.

Глядя на призрачное управленіе, невольно, скажешь правителямъ: вы храмъ оберегали участкомъ, распятіе — кнутомъ, и невѣріе, расколъ, штунда начинаютъ охватывать просыпающуюся Россію.

Вы силились задушить свободное слово, и оно стало тайною, бурною, революціонною пропагандою. Вы казнили протестъ, и онъ ушелъ въ глубь, подъ землю; царскій поѣздъ, царская столовая и самъ царь взлетѣли на воздухъ; вы видѣли прологъ исполинской драмы и, легко можетъ быть, доживете до пира смерти!

Вы правите въ тьмѣ, съ завязанными глазами, вы никѣмъ не выбраны, не уполномочены. Вы не знаете, что готовитъ вамъ страна и что она о васъ думаетъ. Вы тѣшитесь созданной вами подлой, рабской рѣчью, но въ одинъ прекрасный день она, неожиданно, превратится въ дикіе вопли, требующіе вашей казни, въ площадныя издѣвательства. Вы разсчитываете на растлѣваемую вами армію, но въ судный день, какъ во всѣхъ странахъ, она перейдетъ на сторону своихъ несчастныхъ братій. Вы уповаете на преданность предателей, шпіоновъ, провокаторовъ, но когда измѣнитъ вамъ счастье, они первые укажутъ ваши норы, и чтобы спасти себя, съ хохотомъ поволокутъ васъ на казнь. Имъ не за что васъ любить и оставаться вамъ вѣрными, — вы вынули у нихъ душу, сдѣлали ихъ послѣдними изъ людей. Вы плодите грязныхъ святошъ, и, въ дни революціи, они первые бросятся сдирать съ иконъ драгоцѣнныя ризы, ломать раки святителей.

Вы трепетали передъ конституціей, оттягивали ее десятки лѣтъ, принципы 89 года слѣпили васъ, какъ огненою рукою начертанные: мане, текелъ и фаресъ, и вы переживете 93 годъ! Вамъ казались крамольными рѣчи нашихъ жирондистовъ, и васъ проберутъ до костей рѣчи нашихъ Робеспьеровъ, Маратовъ, Бабефовъ. Вы боялись быстро рѣжущаго

ножа гильотины, и васъ будутъ сотнями, въ одинъ мигъ, разить молніями электрической машины.

Вы любили тишь, и васъ скоро оглушатъ революціонные громы, отъ которыхъ заколеблется вся русская земля.

Вы морили по тюрьмамъ и въ ссылкахъ молодежь образованную, самоотверженную, готовую послужить народу. Вы затворили школы бѣднымъ карманомъ, богатымъ сердцемъ и умомъ. Вы естественныя науки замѣнили православіемъ, земство — сатрапами. Вы выбивали розгами изъ пустоты недоимки, отнимали у кормящихъ васъ тружениковъ послѣдній, отощавшій скотъ, послѣднюю, жалкую утварь. Вы останавливали переселенія, опутывая каждый шагъ народа полицейскими путами, и вы награждены голодомъ въ двадцати губерніяхъ. Страшно подумать, въ животѣ у труженниковъ, дававшимъ вамъ не только хлѣбъ, но и всѣ наслажденья, безчисленныя блага, послѣ смерти отъ голода, находили тряпки. Эти облитыя желудочнымъ сокомъ, гнилыя тряпки слѣдовало сберечь и ими на эшафотѣ, въ дни расправы, набить вамъ рты, проклятые правители!

Народъ почуялъ, какъ птица грозу, надвигающіяся на него горами бѣдствія и, съ отчаяньемъ въ душѣ, бросился искать новыя земли, но крики хищныхъ крѣпостниковъ остановили стремленье къ мирному выходу.

Видя, что гибнетъ платежная сила, вы, послѣ невыносимо долгихъ препирательствъ, отсрочекъ, наконецъ, рѣшились возвратить умирающему съ голоду народу крошечную часть, изъ награбленныхъ у него истязаньями суммъ. Спина народа, пронесшая черезъ всю нашу безумную исторію ужасный крестъ, не дрогнувшая подъ нимъ, до настоящей мимуты не избавлена отъ плетей!

Каждый годъ царствованья Гатчинца III — чаша ярости, выливаемая ангеломъ въ Апокалипсисѣ, въ дни страшнаго суда.

Неспившіяся цивилизованнымъ странамъ несчастья посыпались на сердечный, добрый, умный, способный народъ, съумѣвшій выдвинуть изъ себя, какъ предвѣстниковъ начинающейся великой борьбы, людей, съ легендарной мощью, съ душою сказочно прекрасной.

Голодъ пришелъ не одинъ; за нимъ свинцовою тучей ползётъ, въ своемъ родѣ царская свита: опухшихъ отъ голода, смертельно истощенныхъ людей метутъ холера, тифъ, оспа, дифтеритъ. Нашлись твари, сердце которыхъ не сжалось передъ незаслуженнымъ народнымъ бѣдствіемъ, они пьющіе старыя вина, питающіеся сочными ротсбифами, проводящіе жизнь въ пагломъ распутствѣ, стали упрекать народъ въ пьянствѣ, лѣни, желаньи питаться на казенный счетъ, и ни одинъ изъ нихъ не спросилъ себя: откуда взялся казенный счетъ?

Злодѣи находили чистый хлѣбъ слишкомъ дорогимъ для неработающихъ, худенькихъ какъ тѣни, желтыхъ, съ попухшими глазками дѣтей, для непозволительно быстро угасающихъ стариковъ, старухъ...

Грабежъ, обнаруженный всюду, гдѣ орудовало правительство, невозможность справиться съ ростущимъ голодомъ, заставило его, наконецъ, допустить частную благотворительность. Оно косо и злобно поглядывало на руку, скромно подающую посильную помощь. Ненавидимое правительствомъ общество заявляло себя всюду слишкомъ съ хорошей стороны.

Мы знали превосходно, что за духовнымъ голодомъ по-

слѣдуетъ животный; за душевнымъ обнищаніемъ, — матерьяльная нищета; за духовными эпидеміями — настоящія, страшныя: холера, сыпной тифъ.

Сердце разрывается при мысли о пережитыхъ Россіей невзгодахъ. Неужели голодъ, холера, тифъ, не подскажетъ гибнущему изморомъ народу то, что не успѣли подсказать пропагандисты, революціонеры!? Во всей красѣ предстали передъ нами наши мракобѣсцы; несложна ихъ политическая программа; словъ немного, но за то все знаменательныя, съ запахомъ жеваго мяса, застѣнка: „Бей, дави, пори, жри". Сначала, не жевавши, проглотили своихъ, недостаточно вѣрноподанныхъ, затѣмъ принялись (l'appetit vient en mangeant) за поляковъ, нѣмцевъ и, какъ во всѣ черныя времена, закончили каннибальскій пиръ евреями; несчастныхъ, послѣ предварительнаго раззоренья, гонятъ изъ Россіи тысячами, какъ не гонятъ въ остальномъ мірѣ скотовъ. За преступленье рожденья, за благородную вѣрность своей гонимой религіи, имъ, какъ прокажённымъ, запрещаются цѣлыя области, города. Ихъ караютъ, какъ нигдѣ не караютъ отъявленныхъ убійцъ. Огромныя толпы бредущихъ, безъ ясно намѣченной цѣли, изможденныхъ, оборванныхъ, голодныхъ, безгранично горемычныхъ людей, поражаютъ воображенье цивилизованныхъ странъ. Поблѣднѣли средневѣковыя изувѣрства, поголовныя избіенія, за мнимо распятаго кучкою евреевъ, чортъ знаетъ когда, бога-еврея. Не нужно забывать, что наше православное правительство сквиталось поразительно за распятаго праведника-Іисуса, распявъ сотню великихъ праведниковъ-революціонеровъ-евреевъ.

Евреевъ, какъ эксплуататоровъ, преслѣдуетъ самоотвер-

женный Алек. III Романовъ, какъ извѣстно всѣмъ, живущій скромно, честнымъ трудомъ!!...

II

Процессъ Равашоля заставитъ глубоко, глубоко задуматься буржуазный міръ; надъ беззаботною головою пронесутся чорные сны. Закатъ XIX вѣка начинаетъ, къ ужасу дирижирующихъ, окрашиваться багровымъ цвѣтомъ; въ набѣгающихъ по временамъ тучкахъ вспыхиваютъ молніи, невиданныя въ нашихъ широтахъ. XVIII вѣкъ, въ 93 году свелъ съ старымъ, злымъ, феодальнымъ міромъ домашніе счеты; много скатилось пустыхъ головъ, много пролилось благородной крови; но нашъ вѣкъ финансовыхъ чудесъ накопилъ ихъ снова, съ ужасающею быстротою, и можно думать, что ликвидація своимъ злостно превратнымъ характеромъ превзойдетъ 93 годъ, и что мечъ, вѣрнѣе электричество народнаго правосудія, распутаетъ запутанный цѣлыми вѣками узелъ воровскаго строя.

Томясь жаждою жизни и не отыскивая работы, Равашоль улушилъ старика-монаха; большую часть добытыхъ денегъ онъ роздалъ болѣе его нуждающимся товарищамъ. Но видимо ему не по душѣ было убивать изъ за денегъ беззащитныхъ людей, — онъ спустился въ беззвѣздную почь, въ склепъ, и среди могильнаго смрада пробовалъ обобрать трупъ, „мертвецъ не болѣе какъ картина“ говоритъ добрая леди Макбетъ.

Желая отомстить за истерзанныхъ въ полиціи товарищей и за безчеловѣчные приговоры надъ анархистами, онъ подложилъ адскія машины подъ двери квартиръ жрецовъ правосудія и, къ великому сожалѣнію, подвергъ опасности многихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, живущихъ съ ними въ одномъ домѣ. Избитый, при арестованьи, по русски, до полусмерти, онъ былъ приговоренъ за взрывы, безъ прискорбныхъ послѣдствій, къ вѣчной каторгѣ, и двѣ недѣли спустя, за убійство монаха — къ смерти. На судѣ онъ не выдалъ ни одного изъ соучастниковъ, принялъ все на себя, простилъ своего предателя. Указывая на волчью борьбу изъ за денегъ въ буржуазномъ обществѣ, онъ старался доказать право обездолѣннаго брать деньги, гдѣ подвернется къ тому удобный случай и убивать въ случаѣ сопротивленья. Прощаясь на вѣки съ „лучшимъ изъ міровъ“ онъ не забылъ попросить прощенья у невинно пострадавшихъ при взрывахъ. Онъ взошелъ на помостъ гильотины, напѣвая не совсѣмъ пріятную пѣсенку для собственниковъ и поповъ, и оттолкнувъ лицемѣра-попа, съ шутовскими розсказнями о небываломъ мірѣ, умеръ мужественно.

Мнѣ больно за человѣка, мнѣ глубоко жаль казненнаго, я знаю, гдѣ находятся настоящія чудища, „ужасъ міра, стыдъ природы“.

Не знаю, назовутъ ли идеальные люди: Елизе Реклю, Кропоткина и проч. Равашоля своимъ товарищемъ, человѣкомъ одной партіи. Но если назовутъ, они, на мой взглядъ, будутъ неправы. Равашоль, по своимъ чисто животнымъ инстинктамъ, цѣликомъ принадлежитъ къ „умывающей руки въ крови“ необычайно многочисленной буржуазной партіи, онъ ея лучшій человѣкъ; какъ лучъ солнца изъ за тучи въ

немъ нарѣдко и только на мигъ проблескиваютъ революціонные порывы. Онъ погибъ за слишкомъ откровенное приложенье къ практикѣ буржуазныхъ принциповъ, за неумѣнье en grand обдѣлывать свои денежныя дѣла. Несознательно онъ проклиналъ своихъ родителей, наставниковъ, воспитателей. Онъ забылъ на эшафотѣ, послать привѣтъ первому бандиту германской имперіи, произнесшему на весь міръ: „la force prime le droit". Буржуазное общество, взирающее на Равашоля съ злобою, отвращеніемъ, напоминаетъ мнѣ обезьяну въ баснѣ, глядящую на себя въ зеркало и рѣшившую удавиться съ тоски, если бы чуть, чуть была похожа.

Равашоль не могъ принадлежать къ революціонной партіи: она должна стоять неизмѣримо выше власти и общества ею преслѣдуемыхъ. Революціонеръ долженъ беззавѣтно стремиться къ самому высокому общественному идеалу, „послѣдней правдѣ". При настоящемъ экономическомъ строѣ онъ долженъ въ своей частной жизни быть аскетомъ; его разящую руку, вооруженную адскою машиною должна руководить одна безграничная любовь ко всѣмъ людямъ. Если бы ему понадобились деньги, не только для личнаго наслажденія, но для спасенья существованья, и ихъ можно было бы добыть не только цѣною чужой жизни, но и малѣйшими компромисами съ завѣтными идеалами, — онъ долженъ предпочесть собственную смерть. Жизнь революціонера — неустанное совершенствованье умственное и нравственное; онъ долженъ умѣть жить и умѣть умереть за святыню убѣжденій, за невинно страдающее человѣчество.

Такіе люди — не идеальные призраки; всѣ живыя націи выдвинули впродолженіи долгихъ, мрачныхъ вѣковъ тысячи искупителей съ „сердцемъ изъ золота и стали". Наша пе-

чальная жизнь записала во всеобщую исторію великія имена: Радищева, Новикова, декабристовъ, петрашевцевъ и тьму героевъ и героинь современныхъ намъ; ихъ терновые вѣнцы озарили нашъ плотоядный вѣкъ, смягчили закаменѣвшія въ позорномъ рабствѣ сердца. Не выдвигай изъ своихъ таинственныхъ нѣдръ человѣчество подобныхъ людей, мы вооружились бы волчьими зубами, обросли волчьей шерстью, завыли въ лѣсахъ...

Непорочный буржуазный міръ пламенно вознегодовалъ при взрывѣ нѣсколькихъ домовъ. Мысль о возможности взрыва кармана, своего рода скиніи завѣта, заставила депутатовъ, съ неслыханною при полезныхъ реформахъ быстротою, провотировать драконовскіе, въ высшей степени нелѣпые законы по поводу держанья динамита; сдѣланы попытки, любезныя сердцу Алек. III, подавить свободу прессы, запаять предохранительный клапанъ въ работающей на всѣхъ парахъ государственной машинѣ. Отцы, братья, мужья, любовники тѣхъ небесныхъ созданій, которыя, послѣ избіенія тридцати тысячъ комунаровъ, шелковыми, кружевными зонтиками измѣряли глубину ихъ святыхъ ранъ, возопили о пыткахъ и казняхъ, потребовали для Равашоля и его товарищей тряхнуть славною инквизиціонною стариною, ихъ кровью омыть ржавчину съ черезчуръ залежавшихся орудій средневѣковой пытки. На одинъ мигъ духовный союзъ съ братомъ во Христѣ Алек. III свершился — начни французы пытать и выдай на пытку всѣхъ русскихъ революціонеровъ, и Алек. III тотчасъ же высочайшею рукою и державною ногою подписалъ бы союзъ и бросился съ Деруледомъ, Глупилемъ и компаніей отбирать Альзасъ.

Равашоль, взирая на готовый опуститься ножъ, проклиналъ

Тартюфовъ, легальныхъ убійцъ, воровъ. Признаюсь, трудно даже мирнымъ людямъ ихъ благословлять, въ особенности, когда мы въ концѣ вѣка дослушали ихъ послѣднюю шипическую пѣсенку.

Коснемся слегка дѣяній буржуазнаго строя и примѣровъ, даваемыхъ Равашолямъ: добрые лавочники, стремясь къ excellentes affaires, открыто поддѣлываютъ ядами необходимыя для жизни питательныя вещества, травятъ въ духѣ fin siècle не сразу, но съ адскою медленностью. На фабрикахъ, приносящихъ ростовщичьи проценты ихъ обладателямъ, милліоны рабочихъ изнываютъ отъ непосильной работы, отсутствія всякихъ заботъ о нихъ, зачумленнаго воздуха и полнаго недостатка всего необходимаго. Нашъ Іегова-капиталъ, въ порывахъ горячечной конкурренціи, ежегодно выбрасываетъ десятки тысячъ тружениковъ на улицу, на голодную смерть. Дочери рабочихъ гибнутъ на фабрикахъ отъ анеміи и проституціи. Растущій, по мѣрѣ накопленья, карманъ медленно, но неотразимо убиваетъ милліоны невинныхъ. Въ случаѣ стачекъ, на рабочихъ, ихъ женахъ и дѣтяхъ пробуютъ вновь изобрѣтенныя ружья; быстрота расправы и количество жертвъ убѣждаютъ буржуазную публику въ полезности открытія.

Колоссально богатые Гарпагоны ежемѣсячно губятъ въ страшной глубинѣ минъ сотни рабочихъ; обезображенныя муками лица, обугленныя тѣла, слезы, стоны, вопли осиротѣвшихъ семействъ, не вызываютъ ни одной самой слабой, предохранительной мѣры со стороны правительствъ и выбранныхъ всеобщею подачею голосовъ парламентовъ.

финансовыя операціи, скверно продѣываемыя на исто-

шеннымъ, народнымъ тѣлѣ, начиная съ панамской компаніи, желающей прорыть перешеекъ, и кончая компаніями, желающими продырявить чужіе карманы, вносятъ своими злостными банкротствами разоренье въ тысячи бѣдныхъ семействъ, вложившихъ въ нихъ послѣднія, трудовыя сбереженія, плодятъ несказанное горе, отчаянье, самоубійства.

Изъ за расширенія границъ и всевозможныхъ патріотическихъ тряпокъ, подъ звонъ церковныхъ колоколовъ, избиваютъ сотни тысячъ хорошихъ, невинныхъ людей; цѣлыя страны разворяются не только войною, но и вооруженнымъ миромъ. За убійства безцѣльныя, какъ верченье въ бѣличьемъ колесѣ, награждаютъ чинами, орденами, деньгами; головы послушныхъ, тупыхъ рабовъ увѣнчиваются лаврами.

Одинъ изъ главныхъ виновниковъ избіенія, ограбленія прекрасной страны, скаля морду бульдога, произнесъ: „la force prime le droit". Агенты-провокаторы съ казеннымъ динамитомъ, растлѣніе прессы, дикія мѣры противъ соціалистовъ, издѣванья надъ парламентомъ явились практическимъ примѣненьемъ штыкъ-юнкерской, жандармо-бисмарковской морали. За ограбленіе, избіеніе цѣлой страны, за издѣватедьства надъ человѣческими правами, за растлѣніе прессы, за вѣчную ложь съ трибуны Бисмаркъ былъ осыпанъ почестями, деньгами, сталъ повелителемъ всей Германіи. Равашоль, здоровый, молодой, сильный, изнывающій въ нуждѣ, удавилъ старика-монаха, безполезно прачущаго добытыя попрошайствомъ деньги — „la force prime le droit", и за этотъ поступокъ, микроскопическій, чуть не благой сравнительно съ бисмарковскими дѣяньями, онъ приговоренъ къ гильотинѣ!

Я удивляюсь безконечному добродушію народныхъ массъ.

ихъ полной неспособности заражаться примѣрами свыше. Послѣдуй мы примѣру Бисмарковъ, Александровъ и проч., мы должны были бы давно пережрать другъ друга, какъ пауки въ банкѣ.

Никто не плюнулъ старому злодѣю въ лицо, когда онъ растлѣвалъ прессу, другими словами: умъ, сердце націи!

Въ защиту больших убійцъ и воровъ отъ маленькихъ, несчастныхъ, для полнаго спокойствія дирижирующихъ поддерживаются тюрьмы, обновляются эшафоты; укравшаго, подъ вліяніемъ ужаснаго воспитанія, обстановки, въ минуты безвыходности, убившаго въ порывѣ душевной болѣзни, мучаютъ, убиваютъ самодовольно, холодно, именемъ закона, съ риторическими выкрикиваньями о правосудіи. Судьи-убійцы пользуются почетомъ; особенно полюбившіе кровь повышаются въ мѣстахъ, и рядомъ выходятъ научные трактаты, доказывающіе съ безупречной логикой отсутствіе въ человѣкѣ свободной воли!

Равашоль фабриковалъ фальшивую монету, но не нужно забывать, что русское правительство, чуть не сотню лѣтъ, пускаетъ въ ходъ фальшивыя бумажки.

Буржуазія подъ особеннымъ покровительствомъ Ѳемиды, съ завязанными глазами, ворующая, убивающая рабочихъ тысячами съ чувствомъ собственной правоты, пойманное, свое маленькое подобіе приговариваетъ къ тюрьмамъ и гильотинѣ. Но, увы, времена мѣняются: пойманные убійцы, воры, смотря пристально въ безстыжіе глаза фарисѣевъ, произносятъ: „Снимите маски, блудодѣи, мы слѣдуемъ вашему примѣру; все наше преступленіе, безчеловѣчно караемое, заключается въ томъ, что мы мало убиваемъ, мало

воруемъ, безъ высшей протекціи; мы никакъ не умудряемся перейти ту заколдованную черту, за которой, вмѣсто гильотины, воздвигается дворецъ, и вмѣсто позора воздается почесть". Знаменитое изрѣченье Прудона: „la propriété c'est le vol" начинаетъ, потихоньку, проникать въ массы, и горе сытымъ, когда всѣ голодные оцѣнятъ вполнѣ это открытіе!

Въ моментъ, когда всѣ буржуазныя газеты требовали пытокъ и казней для анархистовъ, на югѣ Франціи, въ Ментонѣ, въ нѣгѣ и роскоши, никѣмъ не тревожимая, проживала grande ruine (выраженіе Figaro), по просту—маленькая, грязная развалина колоссальнаго публичнаго дома: эксъ-императрица Евгенія. Въ продолженіе двадцати лѣтъ она люто грабила цѣлую Францію, топила ее въ грязи, и чтобы передать зашатавшійся подъ конецъ тронъ сыну, затѣяла войну, кончившуюся Седаномъ, стоившую десятки милліардовъ франковъ.

Если для казни Равашоля мало гильотины, что же нужно, спрашиваю я васъ, близорукіе младенцы, жалчайшіе недоумки, подлые схоласты и презрѣннѣйшіе рабы, для Алек Ш, высосавшаго мозгъ изъ костей народа, тратящаго награбленные милліоны на тайныя полиціи, священныя охраны, на обновленіе безчисленныхъ дворцовъ, путешествія, съ цѣлыми арміями по бокамъ желѣзной дороги, на фантастическіе пиры и сказочныя наряды императрицы, для Алек. Ш запытавшаго въ тюрьмѣ беременную Гельфманъ и ея ребенка, повѣсившаго Перовскую, затерзавшаго плетьми Сигиду, и по крѣпостямъ тысячи доблестныхъ людей — гордость Россіи?! И всѣ невѣроятныя злодѣйства свершены ввиду спасенья, ненужной даже собакамъ, допотопной, мастодонтовой шкуры,

ввиду спасенья, начинающей исчезать въ дальней Африкѣ, варварской деспотіи, „qui est tout puissant pour le mal et impuissant pour le bien".

Мнѣ глубоко жаль Равашоля! голова его скатилась въ мѣшокъ, но я знаю чудище, силящееся погубить душу цѣлой націи, подавившее слово въ стомилліонной странѣ, и оно увѣнчано брилліантовою короною; передъ нимъ гады нашей земли пресмыкаются въ грязи... Я знаю изверга, на лбу котораго, на омерзѣніе цѣлому міру, должно пылать клеймо, для котораго святою справедливостью были бы: цѣлая вѣчность пытокъ, милліарды мучительныхъ казней..... Мнѣ глубоко жаль Равашоля!...

Я гроша не дамъ за революціонера, который, готовя гибель буржуазіи, не готовитъ прежде всего египетскихъ казней для царей, императоровъ, королей и игнорируетъ ихъ въ своихъ писаньяхъ и проповѣдяхъ. При отсутствіи въ Россіи азбучнаго политическаго развитія, такое игнорированіе ведетъ къ ужасающимъ послѣдствіямъ. Близкое будущее покажетъ, какъ велики были наши недомолвки.

П. АЛИСОВЪ.

Іюль 92.

Библіотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
410816.

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

СОЧИНЕНІЯ П. Ѳ. АЛИСОВА:

Сборникъ литературныхъ и политическихъ статей — 4 фр. Христіанство передъ судомъ соціализма — 2 фр.

Брошюры: Александръ II Освободитель — 1 фр. Alexandre II Libérateur, 2-me édition — 25 cent. *(изданіе разошлось).* Нѣсколько словъ о романѣ „Новь“ Тургенева — 50 с. Процессъ 193 — 50 с. Реквіемъ — 50 с. Россійское броженіе подъ микроскопомъ — 50 с. Спасеніе отечества съ выдачею 100,000 руб. — 25 с. Впередъ — 20 с. Процессъ 16 — 10 с. Я предпочитаю Цитовичей — 25 с. Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій — 25 с. Великая казнь — 25 с. Витова пляска — 25 с. Александръ III Милостивый — 25 с. Александръ III Реформаторъ (картина первая) — 25 с. Александръ III Реформаторъ (картина вторая) — 25 с. „Вольное слово“ — 25 с. Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ — 25 с. В. А. Зайцевъ — 25 с. Расплюевъ — 25 с. Заколдованный кругъ — 25 с. Бѣлый генералъ — 25 с. Лавры и Розы — 25 сант. Божественное масло — 25 с. На рубежѣ XX вѣка — 25 с. Собачій пиръ — 25 с. Сумерки земныхъ боговъ — 25 сант. Царь-Снѣгурочка — 25 с. Чрезвычайный совѣтъ — 25 сант. Семейный совѣтъ — 25 с. Интимный совѣтъ — 25 с. Что такое республика? — 25 с. Фаустъ на закатѣ XIX вѣка — 25 с. Евангелія, очищенная на выносъ — 25 с. Похороны солитера — 25 с. Вольная пресса — 25 с. Parole d'un révolté — 25 с. Послѣднее слово оппортюнизма — 25 с. Генералъ Кувыркасъ — 25 с. Рѣчь Ламанскаго — 25 с. И падаютъ и падаютъ рубли — 25 с. Думы и грёзы — 25 с. Катковъ — 25 с Шинель — 25 с. Цвѣты холуйскаго краснорѣчія — 25 с. Гатчина 1-го Марта 1887 г. — 25 с. Les empereurs proposent, le dynamite décompose — 25 с. Чортова лужа — 25 с. Апогей и перигей — 25 с. О чемъ звонитъ серебряный колоколъ преосв. Амвросія — 25 с. Тайная Типографія — 25 с. Немезида — 25 с. Власть тьмы — 25 с. Передъ общественнымъ судомъ Франціи — 25 с. Сатана — 25 с. Будда — 25 с.

Женева. — Вольная Русская типографія.

10061
94